

порции тела исказились, кожа покрылась черной шерстью. Блузка треснула по швам и повисла лоскутами на мощном зверином торсе. Ты задрала кверху голову и завывала. Лицо твое превратилось в волчью морду с торчащими из пасти клыками.

Я боялся, что ты заметишь меня, вжался в ствол ближайшего дерева и не мог шелохнуться, а когда выглянул снова, тебя уже не было. Домой ты вернулась наутро, вся грязная, в порванной блузке и с запахом мокрой псины. Я поджидал тебя. Обычно в это время я уже в офисе, пишу иски, готовлюсь к судам. Так что к серьезному разговору ты была не готова.

4.

Я хотел было расспросить тебя, что мне следует знать о твоих превращениях, но ты огрызнулась, что это личное. Что преследовать тебя я был не вправе. Что это глупо и попросту опасно для меня самого. Я дал слово, что больше такого не повторится. Но из любопытства стал гуглить. Писали всякое.

«А если с тобой что-то случится, куда идти? – думал я. – К обычному врачу или ветеринару? Или к колдуну какому-нибудь?» Теперь понятно, почему ты не носишь серебряный чокер, который я подарил тебе на твой день рождения. Не пойму только, почему, упомянув про свою нелюбовь к золотым украшениям, ты ничего не сказала про серебро. «Ты наверняка ела людей. Нам стоит бояться охотников на оборотней? Вампиры существуют? Тебе больно превращаться? Это наследственное? Или тебя заразил другой оборотень? Ты знаешь других оборотней? У вас есть какой-нибудь общий чат или специальное приложение?»

Я искренне не понимал, почему ты стеснялась своей ликантропии. Хотя «стесняться» – это упрощение. Прожив с тобой два года, я осознаю, что у тебя с ней гораздо более запутанные отношения. С одной стороны, ты ненавидишь эту свою особенность и она довольно явно мешает тебе жить нормальной жизнью. Но, с другой стороны, хочешь ли ты нормальной жизни? Порой я думаю, что ты не представляешь себя без волчьей стороны, и оборотничество – неотъемлемая часть тебя.

Вскоре я стал подозревать, что тебе нравится, что ты оборотень, хотя ты всегда отрицала это. Как еще объяснить твой отказ пойти хоть к какому-нибудь специалисту? Сегодня мир полон специалистов и экспертов разного толка,

уж наверняка знаток оборотней нашелся бы. Но нет, ты убеждала меня в обратном. Я хотел было сказать как-то, что это просто удобно – скидывать ответственность за собственную жизнь на ликантропию, но побоялся обидеть тебя. «Ты же понимаешь, это была не я, это моя волчья сущность. Мне тут не за что извиняться», – сказала однажды ты.

5.

Да, ты сожрала Чарли – моего декоративного кролика. Я назвал его в честь Чарльза Паркера. Великого саксофониста, одного из основателей бибоба, которого прозвали птицей. Кролик – птица. Я находил это забавным. Паркеру не было и тридцати пяти лет, когда он скончался. Тем утром я нашел то, что осталось от Чарли посреди комнаты. Ему не было и пяти. Тяжелое выдалось полнолуние. Я думал, ты хотя бы извинишься, но нет. Тогда я решил установить границы.

Мы договорились соблюдать правила. Одна из комнат в квартире теперь стала твоим логовом, берлогой. В полнолуние ты закрывалась там, уже без всяких демонстративных скандалов. Мне же запрещалось туда входить. Также пришлось купить в дом еще один холодильник, чтобы хранить там запасы сырого мяса. «А собачий корм не подходит?» – пошутил как-то я и удостоился твоего самого презрительного рыка. Ты жаловалась, что здесь мясо хуже и цены выше. Я взял эту проблему на себя. Половина зарплаты стала уходить на лучшее мясо, что можно было достать. Я нашел надежных поставщиков – местных фермеров, ведущих экологичное хозяйство. Брал говядину в полутушах, реже целых кур (слишком большой расход, несерьезно). Свинину не брал. Ты говорила, что мясо местных свиней воняет антибиотиками. Больше всего ты любила баранину. Точнее, мясо молодых ягнят. Таких я покупал целиком. Сам никогда не разделявал, просил мясников. Но ты все равно была недовольна. Неужели питерские бездомные были вкусней? Или это все неутолимая жажда охоты?

Я продолжал гуглить и даже, к своему удивлению, нашел специалиста по оборотням – эксперта-ликантрополога. Когда обращаешься к таким людям, никогда не можешь быть уверенным до конца, что они не шарлатаны. Мы оба к такому относились скептически, но что нам стоило попробовать? Уговорить тебя было трудно, но в какой-то момент ты сдалась. Помню, ты вышла от

него глубоко озадаченной и с рецептом, написанным неразборчивым почерком. Какой-то сбор редких таежных трав, я не запомнил название, только цену. Достать его было трудно, но возможно. Дороговизна, растительность происхождения и легальность распространения обнадеживали. Во всяком случае, ты хотя бы не будешь пичкать себя какой-нибудь дешевой токсичной химией, рассуждал я.

И все вроде стало налаживаться. Обычно, пережив полнолуние в своей комнате, ты отпиралась с рассветом, поднималась ко мне наверх и ложилась в нашу кровать, стараясь не разбудить меня. Я же тактично притворялся, что крепко сплю.

Иногда ты целовала меня в висок, если я лежал на боку. Я непроизвольно улыбался этому, бормотал что-то нежное в полудреме.

Иногда, в игривом настроении, ты кусала меня за бок. Точнее, чуть-чуть прикусывала и делала вид, что жуешь. Это было немного страшно и ужасно щекотно. В меньшей степени я переживал за то, что ты оттяпаешь от меня кусок мяса, и куда сильнее – что от щекотки я неудачно дернусь и случайно заеду тебе локтем в нос.

Иногда я просыпался за пару минут до будильника и с сожалением обнаруживал себя в кровати одним. Я выходил из спальни, спускался на первый этаж и находил тебя свернувшейся где-нибудь в кресле или на диване с застывшими следами крови в уголках губ и под ногтями. Я прибирал ночной бардак, накрывал тебя пледом и, поцеловав в лоб, тихонько уходил на работу.

Иногда, после очередного превращения, когда луна уже шла на убыль, ты не вылезала из постели и могла проваляться в ней несколько дней, восстанавливая силы. Ближе к ночи я прокрадывался в спальню, стараясь не разбудить тебя. Засыпать в такие моменты было трудно. Ты знала, что после полнолуния храпишь особенно мощно? Но не так, как, например, храпела моя бабушка. Ее громогласный, но равномерный храп как будто держал строгий ритм. Твой же храп джазовый, синкопированный. Резкий всхрап стремительно сменяется свистящим посапыванием, чтобы минутой позже трансформироваться во что-то среднее между хрюканьем мопса и утиным кряком. Это бибоп. Разве уснешь под бибоп? И разве можно его не любить?

В общем, я проявлял терпение и чуткость, стараясь быть внимательным, не обижался по пустякам, и ты была благодарна. Тебе было трудно, но ты тоже старалась ради меня, и я это очень це-

нил. Я был уверен, если окружу тебя заботой, все образуется само собой.

Иногда казалось, что так и вышло. На небе светила полная луна, а ты не превращалась. Может, дело было в горьком травяном сборе, который ты стала пить, а может, сработал эффект плацебо. Или ты просто привыкла, адаптировалась. Какая разница? Я был так рад. Казалось, мы оба счастливы.

6.

Путешествия с оборотнем – тот еще стресс. И для оборотня, и для его попутчика. Хотя ты и не превращалась уже давно, я все равно четко планировал наши перемещения с учетом лунных фаз. Не хотелось бы каких-то эксцессов. Вдруг ты обратилась бы прямо в полете? Или на паспортном контроле? Когда наш рейс в Гоа задержали почти на сутки, я был в панике, места себе не находил. Да, до полнолуния оставалось еще три-четыре дня, но мало ли что...

Я, может быть, немного невротик. Помню, после первого же занятия по писательскому мастерству нам задали придумать сюжет на тему Obsessive Compulsive Disorder, одержимости кем-либо или чем-нибудь. Я задумался о писательских Obsessive Compulsive Disorder, которые тоже своего рода невроз. Ну, знаешь, например, на странице должно быть ровно двести слов (можешь не считать, это не тот случай). Или все слова в строке должны начинаться с разных букв, как у Довлатова. Или текст должен быть написан от первого и второго лица таким образом, чтобы не был понятен пол персонажей. У меня есть такой рассказ. Наверное, он тебе не понравился. Все, что ты сказала, прочитав его, – это сухое «вот тут понятно, что рассказчик – мужчина». Мне точно еще есть чему учиться.

В путешествии мы провели несколько месяцев. Гоа – это штат брезента, Аравийского моря, чеснока с мелкими зубчиками, толстых меню с сальными страницами, английского со смешным акцентом, евреев с их хршекающим грубоватым говором, состарившихся неформалов, муссонов, легкой травы, обязательного кишечного отравления, красной пыли, мусора, бездомных коров и гонящих их по пляжу собак, пальм, баньянов и обветшалых португальских вилл, католических крестов, украшенных цветами, пучков горящих благовоний, ярких сари, разговоров с незнакомцами, потолочных вентиляторов, фруктовых соков, перебоев с электричеством, босых ног, мопедов, морских звезд цвета песка, маленьких

крабиков, роющих норки-дырочки, приливов и отливов, месяца, завалившегося на спину, и медленной жизни.

Да, гоанская жизнь крутила нас в своем непредсказуемом танце. Сумбур первых дней в ритме джаз-мануша или фанданго сменился протяжным лиссабонским фаду. Здесь мы играли во взрослых и счастливых. Мы курили, изредка пили вино или что покрепче и никуда не спешили. Влипали в пустяковые неприятности, которые тут же решались сами собой. Валялись на пляже, купались в океане. Здесь рано темнело, и густо клубилась ночь. В бесконечной темноте всякий раз мы искали дорогу к нашему дому на ощупь. Мы могли часами сидеть на крыльце, наслаждаясь ночной прохладой, и вслушиваться в тишину, в глубине которой стрекотали сверчки и жужжали электричеством провода. Здесь я забыл, что ты оборотень.

Здесь было все, кроме редких таежных трав. И когда они кончились, все изменилось. Ты стала жаловаться, что тебе здесь все чуждо, что тут грязно, что индийцы утомляют, что наше съемное жилье совсем не уютное, что ты скучаешь по дому. И ты снова обратилась, застав меня врасплох. Загрызла священную корову. Карма была безнадежно испорчена. Меня охватила паника, и я тут же взял билеты назад.

Я думал, что ты соскучилась по нашему с тобой дому. Что ты устала от путешествия. Что тебе нужно продолжать пить свои травки. Что, когда мы вернемся, никаких проблем не будет. Наверное, я так тебя и не понял.

По возвращении домой все будто началось заново. Мы ссорились, ты запиралась от меня в своей комнате, оборачивалась вервольфом, а вернувшись в человеческий облик, была так измождена, что целыми днями лежала в кровати. Прописанный тебе травяной сбор ты пить отказалась. Я недоумевал почему. Не потому, что он противный и горький, объясняла ты, а потому, что всю жизнь пить какие-то травы – это отрицать свою сущность. Потому что я полюбил тебя вервольфом, а теперь хочу, чтобы ты перестала им быть.

Я не знал, что делать. У меня копились вопросы, но задавать ни один из них я тебе не хотел. То ли из трусости, то ли из нерешительности. Просто прокручивал в голове диалог, который разыгрывал за нас обоих. Сам спрашивал и тут же сам отвечал. После этого спрашивать что-то у тебя казалось таким бессмысленным. Наверное, и у тебя копились вопросы о наших отношениях

и о нашем будущем. И как назло, ты тоже хранила молчание.

Но если страница должна закончиться вопросом, то что бы ты тогда спросила?

7.

Я боялся бросать монетку. Я ведь мог и не бросать ее вовсе. Просто написал бы так, как сам решил. Но нет, пожалуй, этого я боялся еще больше. Лучше уж монетка.

В баре битком. Ты зашла первой и растворилась в массе людей с пивными стаканами. Я вошел следом, пока мой путь не перерезала знакомая. Саша, фамилию не знаю. Вы с ней чем-то похожи, только она точно не оборотень. Мы широко улыбнулись друг другу. Секундная неловкость, я приобнял ее.

– Как ты? Так давно не виделись! Ты ушла из моей любимой кофейни?

– Да, это отдельная история. Я как-нибудь тебе расскажу.

Она касалась меня рукой, пока говорила. Хотелось продолжить разговор, но Сашу уже утянули подруги. Помню, ты как-то сказала: «Мне кажется, ты нравишься этой девочке». Я сделал вид, что не понимаю. «Ну, той бариста. Ты как-то ждал меня за столиком. Я когда заходила, она тебе улыбалась, а потом меня заметила и засмушалась». Это твое волжье чутье?

Я все еще улыбался, когда догнал тебя. Ты уже заказала пиво. Пили молча. Мы с тобой словно замерли.

– Как твой писательский курс? – ожила ты.

– Прислали новое задание. Надо выбрать какое-то событие из жизни, недавнее, и, отталкиваясь от него, придумать сюжет.

Я отпил немного пива и продолжил:

– Потом нужно подкинуть монетку. Если решка – сюжет от этого события развивается в положительную сторону, а орел – наоборот. Типа, событие ведет к чему-то плохому.

– Прикольно! И что ты выбрал?

– Пока ничего, – соврал я. – А ты бы что выбрала?

Нам было из чего выбирать. Мы опять поссорились. Ты улетела к родным (интересно, они тоже оборотни?). Ты вернулась. Мы помирились. Наверное. Тут я почувствовал на себе Сашин взгляд, он дотянулся до меня с противоположного конца барной стойки. Прослушал, что ты ответила.

Событие, что я выбрал, случилось, когда мы с тобой зашли в бар, – это встреча с Сашей.

Я представлял, как сюжет будет развиваться дальше. Представлял новую встречу с ней. Я шлю ей спонтанный «привет» в директ. Она соглашается спрятаться со мной в непопулярном кафе и выпить вина. За нейтральными разговорами о том и сем неловко спрячутся догадки, пока я наконец не скажу ей прямо, к чему эта встреча. Просто Саша давно мне нравится (так глупо, да? Я ведь *тебя* люблю). Саша снова коснется меня рукой и скажет: «Да, так бывает. Я не из осуждающих». Потом мы с ней допьём вино, и в конечном счете последует нечестный по отношению к нам всем поцелуй. Я был уверен, что так и будет, если выпадет орел. Или решка. Ненавижу принимать решения. Я так хочу стянуть с себя эту удушающую, колючую ответственность.

– О чем задумался? – спросила ты, беспокойно водя пальцем по кромке стакана.

Я подбросил монетку. Не помню, откуда она взялась в руке. Как и мои ладони, монетка была теплой и влажной. Одна индийская рупия. Память о нашем с тобой путешествии, оставленная на сдачу. Может, все еще будет хорошо? Ловлю монетку в кулак. Ловлю твой взгляд в мои глаза. Не могу его описать. Знаю только, что вот в тот момент он был очень-очень значим. Как взгляды Райана Гослинга и Эммы Стоун в «Ла-Ла Ленде». Никакая Саша так никогда не посмотрит. Орел или решка? Это уже...

– Неважно, – ответил я нам обоим, поцеловал тебя и, не глядя, спрятал монетку в карман.

8.

На писательском курсе нас учили выстраивать сцены, основанные на конфликте. Прописывая такую сцену в качестве домашки, я долго думал, как бы описать наш с тобой конфликт, не выдав сокурсникам твою маленькую тайну. Например, ты хочешь переехать в другой город. А я уговариваю тебя остаться со мной. Это, конечно, ерунда по сравнению с тем, что ты оборотень. Но в сцене все должно быть не тем, чем кажется. Поэтому давай мы как бы просто поссоримся из-за переезда.

Представь, ты лежишь на диване, глаза сонные. Я сижу в кресле напротив, ноги поджал под себя, руки скрещены на груди. С винила плачет Колтрейн. In A Sentimental Mood. На русский «Гугл. Переводчик» предсказуемо переводит sentimental как «сентиментальный». Значение «сентиментальный», по словарю Даля, – приторно чув-

ствительный, изнеженно трогательный. Значение sentimental по Оксфордскому словарю – of or prompted by feelings of tenderness, sadness, or nostalgia. Так чем же наполнена наша комната? Приторной чувствительностью или нежностью, грустью и ностальгией? Решай сама.

– Не хочешь говорить? – хрипло спросонья спрашиваешь у меня.

– Почему?

– Мы договорились, что вечером поговорим. Ты пришел с работы и опять молчишь.

– Давай говорить.

Мы молчим. Молчим, молчим, молчим.

– Что скажешь? – наконец выдавливаю я из себя.

– Я что скажу?! – Сонливость моментально улечивается, ты садишься и смотришь мне в глаза. – Я от тебя жду какого-то решения.

– Если ты думаешь, что по шелчку пальцев я все брошу и перееду с тобой в Питер, просто потому, что ты так хочешь, то нет. Так не будет.

– Ясно. Понятно. Спасибо хоть, что наконец это сказал.

– Ну а как ты себе это представляешь? Здесь есть все, мы живем в двухэтажной квартире, я зарабатываю. Думаешь, я не искал там варианты с такой же зарплатой? Их нет, ты сама это знаешь.

– Мы переедем, потому что твоей любимой здесь плохо! Вот и все. Это же так просто.

– Это вообще не просто.

– Ты обещал мне. Когда я переехала к тебе, был уговор!

– Слушай, это было два года назад, мы...

– Это нечестно! – перебиваешь ты, твой голос дрожит, губы искривляются. – Я переехала к тебе в этот сраный город! А ты ради меня ничего не можешь!

Ты вскакиваешь с дивана, отпихнув журнальный столик, на пол летят кружка с недопитым чаем, телефон, пульт от телевизора. Ты хлопаешь дверью, а я слышу слезы, шелчок замка и утробный волчий рык.

Что, если волк не может жить в неволе? Что, если жизнь со мной для тебя – неволя? После таких сцен и мне хочется сбежать. Я и сбегал порой.

9.

На очередной лекции нам рассказали, что длинные описания в тексте как бы замедляют течение времени, а короткие предложения, наоборот, его ускоряют. Пока мы обсуждали, как

в тексте работает время, я задумался, работает ли оно вообще. По-моему, время давно перестало работать. Что-то сломалось, потому что теперь мне кажется, что полнолуния длятся вечно, а промежутки между ними стали так коротки. Я стал больше уставать и чаще уходил из дома. Хорошо, что мой брат прилетел из Москвы на каникулы. Я мог поделиться с ним своими тревогами и спросить совета.

Когда я пришел в гости, мой брат разбирал довоенный немецкий аккордеон. Внутри были трупы паука и пчелы. Я записывал голосовое клиенту по работе, и мой брат спустил штаны, чтобы показать мне жопу. Обычно он так не делал. Я рассмеялся, и пришлось начать запись заново. Мой брат тоже начал заново спускать штаны. Пришлось написать текстом. Я сказал, что голоден. На самом деле я хотел сказать, что моя девушка – оборотень, но не решался. Мой брат ответил, что есть паста, но он хочет вина и чего-нибудь еще, поэтому нам нужно в магазин. Я не хотел куда идти.

Мы вышли на улицу. У моего брата не было списка покупок, он ходил в магазин по наитию, и это никогда его не подводило. По пути мой брат возмутился, что алкоголь продают только до девяти. Я ответил, что такой закон. «Кто принял такой закон?» – недоумевал мой брат. «Это тебе у своего отца надо было спросить». Отец моего брата был депутатом. Он умер несколько лет назад. Мой брат ответил, что было бы несправедливым по отношению к отцу помнить только хорошее. Если про мертвых людей говорить только хорошее, а все плохое забывать, то зачем тогда вообще стараться жить правильно? Все равно все плохое забудут, и останется только хорошее. Наверное, многие с этим не согласились бы, но я согласился.

Добрели до продуктового. Мой брат купил газировку, чипсы, вино и еще что-то тяжелое. Девушка за кассой во всем обтягивающем была вежливой и с накладными ресницами. Мы пожелали друг другу приятного вечера.

Вернулись домой. Оказалось, что пасты нет. Я посмеялся. Все же надежнее было составить список. Я собирался уезжать, а про тебя так и не рассказал. Тут мой брат предложил остаться посмотреть фильм, «Трудности перевода» с грустным Биллом Мюрреем. Я остался. Ужинал чипсами с фантой. Просил разбудить меня, если начну засыпать, и отправить домой.

Мой брат тыкал в меня пальцем, тормозил за плечо. Потом положил на меня своего пса – старо-

го, толстого джек-рассела. Я сказал, что просьба отменяется и будить не надо.

Проснувшись, чувствовал себя паршиво. Упрекнул брата, что он не разбудил меня, как я просил. Он оправдывался, мол, я отменил свою просьбу. Я сказал, что сонный я развел его, а он повелся на эту уловку, как додик. Мой брат предложил сыграть для меня на гитаре. Это было красиво и трепетно, словно я еще спал. Я спросил, его ли это сочинение. Он ответил, что да, и очень серьезно попросил не называть его додиком. Он талантливый музыкант. Совсем не додик.

Пора было уходить. Стоя в двери, я все еще не знал, как у него спросить. Я не мог признаться, что ты оборотень, он бы не понял. И это все-таки наша с тобой тайна. Поэтому я решил говорить иносказательно. Типа, ты хочешь переехать назад в Питер, а я нет. Из-за этого каждый месяц ты устраиваешь скандал, а иногда и чаще. Мой брат посоветовал тебя бросить. Мы обнялись на прощание. Я люблю его, но он ничего не понимает в отношениях.

10.

Ты стала холоднее в постели. Ты говорила, что боишься потерять контроль. Что бы случилось, если бы прямо в процессе ты обратилась? Раньше ты не переживала за это, и я даже не думал, что такое может произойти. Может быть, дело во мне? Может быть, я перестал привлекать тебя, как раньше? Или так бывает во всех парах и нужно как-то проработать этот вопрос? Попробовать что-то новое? Ты утверждала, что проблема не во мне. Но я стал чувствовать себя менее уверенно. С каждым разом проявлять к тебе внимание становилось все сложнее и сложнее. Меня охватывала какая-то неожиданная робость, которую мне все труднее было преодолеть. Порой мои попытки заигрывать с тобой казались такими нелепыми, неуместными, как если бы заяц попытался пристроиться к облизывающейся на него волчице.

Я похудел, ты поправилась. Нас обоих это нервировало, но по разным причинам. Меня – потому что я стал хуже спать, не успевал позавтракать, уходя на работу, забывал пообедать, разгребая корпоративную почту, чаще курил и в целом ощущал себя обескровленным. Тебя – потому что ты превращалась все чаще. Сначала дважды в месяц, затем трижды, а бывало и еженедельно. Ночью ты могла за раз съесть целую тушу, которую я купил

и фикусом, изорванные в клочья книги и выпотрошенные пуховые подушки. Ворвавшись сквозняком через открытое настезь окно, порыв ночного ветра поднимает в воздух белоснежные перья из подушек и шуршит страницами из распоротых тобой книг. Осколки зеркала разбрасывают во все стороны лунные отблески. Комната напоминает мне опустевший танцпол с разлетевшимся вдребезги диско-шаром. Вечеринка закончилась, остались мы и погром. Тревожно гудит помятый холодильник. Пахнет сигаретами, пылью, землей и железом. Когда будешь читать, включи Kind of Blue.

Ты забила в дальний угол комнаты. Сидишь на полу, спиной ко входу. Я замечаю, как по-звериному встревоженно у тебя дернулось ухо, стоило мне войти в твое логово. Я слышу, как неровно стучит мое сердце. Я вижу, как от холода по твоей коже разбегаются мурашки, поднимая тонкие, почти прозрачные волоски. Ты оборачиваешься на меня. Смотришь диким парализующим взглядом. Я олень в свете фар, стою неподвижно, не в силах пошевелиться, неотвратимо наблюдаю за тобой. Твое тело покрывается жесткой иссиня-черной шерстью, рот превращается в хищную волчью пасть, а зубы в клыки. Ты набрасываешься на меня. Я чувствую твой запах, сырой и резкий. Чувствую влажный жар из твоей пасти. С клыков стекает слюна. Ты так красива. Чувствую, как ты наваливаешься на меня всей тяжестью своего звериного стана, выбивая из моей груди весь воздух. Как же я люблю тебя. Рука моя еще сжимает кольцо. Чувствую, как в кожу мне впиваются твои острые когти. Как мощные челюсти намертво смыкаются на моей глотке. Как рвутся жилы и артерии. Как вытекает кровь. Мне становится так легко. Ты съела меня. И я так счастлив.

Плейлист:

